

Ю.А. БОРИСЁНОК

БЕЛОРУССКИЕ ЗЕМЛИ МЕЖДУ ПОЛЬШЕЙ И РОССИЕЙ – ОТ РАЗДЕЛОВ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ ДО ОКОНЧАНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1772–1945 годы)

Для постижения процессов, происходивших на белорусских землях в XIX – первой половине XX вв., имеет принципиальное значение представление, что вся территория “белорусского племени” к началу XIX в. представляла собой “большое пограничье” между Польшей и Россией в географическом, этнокультурном и ментальном отношениях. В политическом плане это пространство в результате трех разделов Речи Посполитой (1772, 1793, 1795 гг.) принадлежало Российской империи и оставалось к началу XX в. в значительной мере неструктурированным.

“Великие потрясения” 1914–1945 гг. в итоге способствовали вынужденному и оперативному преодолению прежних неопределенностей и появлению сначала буферного, а потом советско-республиканского государственного образования в виде БССР, закрепившего в 1945 г. свое существование на карте мира (и, заметим, невозможность, в отличие от предшествующих десятилетий советской истории, беспроблемного с нее исчезновения) в качестве одного из государств-учредителей ООН¹.

С 1795 г., когда Речь Посполитая прекратила свое существование, и вплоть до 1915 г., вся этнографическая территория расселения белорусов развивалась во внутриимперских рамках; о “белорусском Пьемонте” в каком-либо виде речи не шло. “Большое пограничье” закономерно и предсказуемо стало ареной соперничества российского и польского начал. Влияние имперской государственности и православия на восточнославянских землях бывшего Великого княжества Литовского сочеталось с польской и католической ориентацией значительной части местной общественной элиты, а также с традиционным культурным воздействием польского социума. Формирование белорусской нации и развитие белорусской культуры были в значительной, если не в решающей степени, связаны с развитием этого политического и этнокультурного противостояния в условиях пограничья².

Присоединив белорусские земли, Российская империя столкнулась с немалыми трудностями в их инкорпорации. Этот процесс растянулся на несколько десятилетий и поначалу не сопровождался открытой конфронтацией русского и польского начал. Либеральная политика Александра I в отношении высших слоев общества бывшей Речи Посполитой, сразу предоставившего новым подданным максимум возможного в усло-

Борисёнок Юрий Аркадьевич – кандидат исторических наук, доцент истфака Московского государственного университета, научный редактор “Российской газеты”.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-21-01004.

¹ Обновленная концепция современной белорусской историографии по проблеме государственности сформулирована в обобщающих исследованиях: Нарыс гісторыі беларускай дзяржаўнасці. Мінск, 2008; Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст., кн. 1–2. Мінск, 2011–2012.

² *Бабкоў І.* Этыка памежжа: транскультурнасць як беларускі досвед. – Фрагмэнты, 2000, № 7, с. 124.

виях самодержавной империи, привела к внешне парадоксальному явлению. Благодаря учебным заведениям с преподаванием на польском языке, прежде всего крупнейшему в Российской империи Виленскому университету и Кременецкому лицей, а также Полоцкой иезуитской академии с правами российского университета (1812–1820 гг.), ускорилась полонизация не только местной шляхты, но и городских слоев³. Подчеркнем, что для образовательного пространства земель бывшей Речи Посполитой польский язык для начала XIX в. был явлением еще не совсем привычным – к примеру, польская историография только в последние десятилетия XVIII в. усилиями известного просветителя А. Нарушевича перешла с латыни на родную речь.

Сознательно проводимая властями в Санкт-Петербурге в первой четверти XIX в. политика культурной полонизации накладывалась на традиции конституции 3 мая 1791 г., ликвидировавшей федеративное устройство Речи Посполитой, и ее творца Г. Коллонтая; эти традиции прочно укоренились в сознании местных поляков. Коллонтай, по мнению польского историка общественной мысли А. Валицкого, стремился к тому, «чтобы “новая нация” была однородной, разговаривала на одном языке и имела одинаковые права... В польских условиях это означало унификацию законодательства, ликвидацию автономного статуса Литвы и обязательную полонизацию всех жителей страны»⁴.

После Венского конгресса, появления в составе Российской империи автономного Царства Польского и дарованной ему императором Александром I конституции 1815 г. Александр I в доверительных беседах с польской знатью не исключал скорого присоединения к Царству Польскому значительных территорий бывшего Великого княжества Литовского (ВКЛ), чем вызвал немалый энтузиазм, впрочем, и не подкрепленный конкретными действиями имперских властей; совершить эти действия в конституционных рамках мешала 29-я статья конституции, гласившая, что должности в администрации и армии Царства должны занимать только поляки⁵.

Российские власти в первые десятилетия XIX в. почти не интересовались этнической принадлежностью большинства населения присоединенных земель – разве что наряду с “русскими” и “поляками” в источниках иногда встречаются “литва”, “литовцы” либо “литвины”. Универсальным критерием для власти служило вероисповедание. Этнических белорусов-униатов, составлявших до 1839 г. большинство населения белорусских земель, в зависимости от конъюнктуры, именовали то “поляками”, то “литовцами”, не отделяя от католиков, а (начиная с 1820-х годов) – “русскими”. Надежды на быстрое “обрусение” восточнобелорусских земель высказывались уже в начале XIX в., но практическими действиями не подкреплялись.

Польское восстание 1830–1831 гг. стало важнейшим рубежом противоборства имперского и польского начал на большом белорусском пограничье. Военное поражение повстанцев было не только крушением политических планов общественной элиты Царства Польского и примкнувшей к ним шляхты восточнославянских земель, присоединенных к империи Романовых по трем разделам Речи Посполитой, но и послужило сигналом для мощного наступления имперских сил, главным образом в конфессиональном плане. Правительство императора Николая I воплотило в жизнь замышляв-

³ Подробный анализ этого процесса дан в публикациях французского исследователя Д. Бовуа: *Бовуа Д.* Гордиев узел Российской империи. Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине. 1793–1914. М., 2011.

⁴ *Валицкий А.* Интелектуальныя эліты і зьменьлівыя лёсы “выдуманай нацыі” ў Польшчы. – *Фрагменты*, 2000, № 7, с. 56.

⁵ О конституции 1815 г. и обстоятельствах ее создания, а также о различных аспектах политической и экономической жизни Царства Польского см. исследование полонистов Института славяноведения РАН: *Польша и Россия в первой трети XIX в. Из истории автономного Королевства Польского.* М., 2010. См. также: *Борисёнок Ю.А.* Польская головоломка для Александра Павловича. Рец. на кн.: *Польша и Россия в первой трети XIX века.* М., 2010. – *Родина*, 2011, № 7, с. 78–79.

шуются еще при Г.А. Потемкине идею ликвидации Брестской унии 1596 г. Униатство, в XVII–XVIII вв. считавшееся “белорусской верой”⁶, после разделов Речи Посполитой охватывало преобладающую часть крестьянского населения на белорусских этнографических территориях.

В итоге реализации решений Полоцкого церковного собора от 12 февраля 1839 г. территория культурного пространства, связанного с традициями упраздненной Речи Посполитой, значительно сузилась и в дальнейшем, как правило, сводилась к традиционному стереотипу “поляк-католик”. Оценки действий имперской власти и группы местных униатских иерархов во главе с И. Семашко и поныне различны⁷. Отметим, в частности, что в 2008 г. под редакцией Л.Г. Захаровой и С.В. Мироненко была издана переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I. В письме от 26 февраля (3 марта по старому стилю) 1838 г. самодержец не только не скрывал своего восторга по поводу отмены унии, но и восклицал: “Считаю, что в последнем столетии вряд было ли что важнее в политическом отношении для нашей матушки России!”⁸ То есть, “николаевская конфессионализация”, как назвал главу своей монографии М.Д. Долбилов⁹, была для Николая Павловича важнее, чем все русско-турецкие войны, сокрушение Наполеона и события собственного царствования, включая усмирение декабристов и победу в русско-польской войне 1831 г.

С упразднением унии и введением общеимперского законодательства вместо действовавших до 1840 г. норм Третьего Литовского статута (1588 г.) существенные отличия между белорусскими и великорусскими губерниями в конфессиональном и юридическом плане стираются. “Литовский рубеж”, обозначавший прежде московско-литовское пограничье, продолжал существовать лишь на уровне народной культуры. Эту сферу, по причине отсутствия заметных усилий по распространению образования в крестьянской массе, правительственные мероприятия долгое время затрагивали мало. Уже с подавлением восстания 1830–1831 гг. польское начало на пространстве белорусско-русского пограничья не смогло оказывать существенного сопротивления официальной власти, а после восстания поляков эпохи “великих реформ” (1863–1864 гг.) преобладание имперских традиций стало подавляющим по всем направлениям.

Отметим, что в отношении “простого народа” имперским администраторам было вполне достаточно изменения конфессионального статуса – “горжество православия” среди белорусов избавляло их от хлопотной работы по проникновению в традиционную жизнь крестьянского социума, а привитие крестьянским детям начал грамотности требовало финансирования из государственной казны. В историографии и по сей день слышны разговоры об усилении русификаторских начал в Западных губерниях с середины 1860-х годов¹⁰. Но проблема в том, насколько глубоко проникали в “толщу народную” эти громко провозглашаемые намерения. Разговоров о русификации было намного больше, чем практических усилий в этом направлении.

Важным подспорьем для сохранения белорусских этнических традиций, в частности языковых, было отсутствие земского самоуправления и земских школ – лишь в 1911 г. они появились в Витебской, Минской и Могилевской губерниях и полностью отсутствовали в Гродненской и Виленской губерниях. По мнению белорусского историка Н.М. Забавского, “отсутствие земств в этих губерниях объяснялось доминированием в них польских интересов (политических, экономических, конфессиональных,

⁶ Русско-белорусские связи. Сб. документов. М., 1963, с. 103–111; Белорусы. М., 1998, с. 97.

⁷ *Марозава С.В.* Уніяцкая царква ў культурна-гістарычным развіцці Беларусі (1596–1839). Гродна, 1996; Канфесіі на Беларусі. Мінск, 1998; *Долбилов М.Д.* Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010.

⁸ Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I. 1838–1839. М., 2008, с. 336.

⁹ *Долбилов М.Д.* Указ. соч., с. 68.

¹⁰ Гісторыя беларускай дзяржаўнасці..., кн. 1, с. 150.

культурных и др.)”¹¹. Но отчаянная борьба с “польскими интересами” консервировала традиционные ценности белорусского крестьянского мира: образовательные ресурсы империи для крестьянских детей Западных губерний были ограничены церковно-приходскими школами, уступавшими земским по уровню преподавания.

При этом стоит обратить внимание на процессы “авторусификации” и уступавшие им в масштабах, но вполне реальные для XIX – начала XX в. тенденции “автополонизации”. Белорусский крестьянин, как правило, молодой мужчина, без особых проблем и отнюдь не из-под палки постигал русский язык, сталкиваясь с городской цивилизацией или отправляясь служить в императорскую армию. Прибывая же в Вильно, житель белорусской деревни встречался, в частности, и с польской цивилизацией.

В свою очередь, как писал белорусский историк А.Ф. Смоленчук на основе проведенных в 1930-е годы изысканий польского этнографа Г. Турской¹², “формирование польскоязычных регионов на белорусско-литовском этническом пограничье (Вильно–Ковно–Двинск) происходило в третьей четверти XIX в. Сущность этого процесса – в добровольном стремлении крестьян-католиков присоединиться к польскому языку и польской культуре, ибо она по-прежнему воспринималась как признак принадлежности к высшим кругам общества. Расширению польских культурных влияний благоприятствовала российская политика деполонизации. В частности, это касалось крестьян-католиков, на которых в последней трети XIX в. также начали распространяться антипольские ограничения. Именно от российского чиновника белорусские или литовские крестьяне-католики вдруг узнавали, что они – поляки, и поэтому не имеют, например, права приобретать землю”¹³. Отметим, что “польскость” языка этих новообращенных “поляков” была бесконечно далека от образцов литературных классиков А. Мицкевича или Г. Сенкевича: ведь и местная шляхта изъяснялась по-польски с акцентом, который жители этнически польских регионов Российской империи находили чудовищным и которым обладал, к примеру, “освободитель” Вильно в 1920 г. генерал Л. Желиговский¹⁴.

При этом вплоть до 1914 г. “польский вызов” осознавался имперской традицией как исключительно серьезная опасность. Потенциальная угроза, исходившая как от приверженцев национально-освободительной традиции в эмиграции, так и от шляхты, обитавшей на белорусских и украинских землях, постоянно подчеркивалась и на всякий случай преувеличивалась. Основанием для беспокойства имперских структур служила неизменная позиция всех польских политических группировок XIX в. относительно восстановления Речи Посполитой в границах 1772 г.

Как подчеркивает А. Валицкий, “единомышленники, поддерживая интеграцию исторических территорий унии (Люблинской. – Ю.Б.), преодолевали не только тенденцию к сепаратизму, но даже и к регионализму. А после освобождения и получения крепостными крестьянами образования, ожидали быстрых результатов их полонизации. Они брезговали конституцией 3 мая, но тенденция их национальной идеологии была близка политическому мышлению партии реформ XVIII в. Революционный манифест Краковского восстания – восстания, которым руководил романтический революционер и пылкий критик Просвещения Эдвард Дембовский, провозглашал идеал интегрированной и объединенной нации в границах 1772 г., также не обращая внимания на автономный статус Литвы. Манифест подчеркнул это неприятие, вводя существенные изменения в национальный герб, с которого сняли литовскую Погоню, оставив на всем пространстве Белого Орла”¹⁵.

¹¹ Там же, с. 288.

¹² *Turska H.* O powstaniu polskich obszarów językowych na Wilenszyźnie. Vilnius, 1995.

¹³ *Смалянчук А.* Плебейскія нацыі і імперскія перыферыі. – *Arche*, 2006, № 11, с. 41.

¹⁴ *Fabisz D.* Generał Lucjan Żeligowski (1865–1947). Działalność wojskowa i polityczna. Warszawa, 2007.

¹⁵ *Валицькі А.* Указ. соч., с. 59–60.

Сложивший голову в Краковском восстании 1846 г. 24-летний философ-гегельянец Дембовский стал в итоге для польской политической традиции одним из вдохновителей устойчивого и неподвластного времени стереотипа: практическое воплощение этих идей население территорий бывшего ВКЛ увидело в начале 1920-х годов в исполнении политиков II Речи Посполитой, в частности тех, кто вслед за Л. Василевским и Ю. Пилсудским ранее предпочитал красивые, но не предназначавшиеся для практической реализации слова о “федеративном устройстве” возрождаемого Польского государства. Более того, даже в серьезных на первый взгляд дипломатических усилиях по поддержке извне восстания поляков 1863–1864 гг. игнорировались реалии Венского конгресса 1815 г., на уровне международного права отделившие возможность вмешательства в дела Российской империи по управлению Царством Польским и невозможность подобных демаршей по отношению к территориям Российской империи, присоединенным в итоге разделов Речи Посполитой¹⁶.

Противоположная линии Дембовского – Пилсудского тенденция фрагментарно и с большими перерывами прослеживается в польской общественной мысли, но реального ее осуществления не было на всем протяжении истории с 1795 по 1945 гг. Автором первого из этих немногочисленных перспективных проектов был родившийся в Минском воеводстве бедный шляхтич А. Чарноцкий (1784–1825), вынужденный в водовороте событий наполеоновских войн сменить несколько псевдонимов; под именем З. Доленга-Ходаковский он сделал себе научное имя в качестве одного из первых в Российской империи археологов и славистов.

Может сложиться впечатление, что на протяжении “долгого XIX века” польское общество, несмотря на свой “беспокойный и буйный” характер, весьма отстраненно относилось к важнейшим переменам своей истории, ненадолго вскипая во время восстаний и войн, а затем успокаиваясь и не предлагая реальной альтернативы негативному для него развитию событий, связанному с последовательной политикой Российской империи по ограничению влияния польской шляхты. Российское дворянство составляло весьма низкий процент в общей структуре населения, и после разделов Польши шляхта бывшей Речи Посполитой составляла около 2/3 дворянства всей империи.

Пополнившись в 1815 г. благородным сословием из Царства Польского, но лишившись после восстания 1830–1831 гг. в результате энергичных мер администрации Николая I значительного количества бедных и безземельных шляхтичей, польская шляхта в 1858 г., незадолго до Январского восстания, доминировала в общей массе дворянства эпохи Александра II, составляя почти 53%, а в 1897 г., год первой всеобщей переписи населения империи – до 40%¹⁷. При этом среди мелких шляхтичей Витебской, Могилевской и Минской (без Новогрудского уезда) губерний после 1839 г. преобладали православные, а по материалам переписи 1897 г. исследователи выявили 65 тыс. дворян, родным языком которых был белорусский (43,3% от всей шляхты белорусских земель)¹⁸.

Изменение структуры дворянского сословия было одной из ключевых и долгосрочных задач имперской политики в польском вопросе, и этой тенденции еще в начале XIX в. попытался оппонировать опередивший свое время Доленга-Ходаковский. Им были намечены осуществимые проекты развития территорий, вошедших в Российскую империю по трем разделам Речи Посполитой к 1795 г., предусматривавшие

¹⁶ *Wolniewicz M.* Moskwa ante portas: Rosja w polskiej propagandzie powstańczej (1863–1864). Poznań, 2014, s. 26–32.

¹⁷ *Rychlikowa I.* Carat wobec polskiej szlachty na ziemiach zabranych w latach 1772–1831. – *Kwartalnik Historyczny*, 1991, № 3, s. 51, 59; *Paździk P.* Вытокі сучаснай беларускаці. Мінск, 2012, с. 120.

¹⁸ *Шыдлоўскі С.А.* Культура прывілеяванага саслоўя Беларусі: 1795–1864 гг. Мінск, 2011, с. 39, 122.

как безусловное сохранение и упрочение на этих землях “польского элемента”, в том числе и небогатой шляхты, так и использование в этих целях униатской конфессии.

Живущий в Белостоке польский историк белорусского происхождения О. Латышонек обратил внимание на примечательный факт: в 1812 г. А. Мартиновский, сын православного священника из-под Радошкович, в Виленском университете собрал кружок любителей прошлого своего края и обычаев народа, связался с наполеоновским агентом Чарноцким и помог ему разработать в Вильно антифеодальную прокламацию на белорусском языке. Мартиновский распространял этот текст в приеманских деревнях. Чарноцкий посредничал также в организации задуманной Наполеоном встречи униатских иерархов и контактировал ради этого с представителями униатов¹⁹. По версии Латышонка, в 1812 г. Чарноцкий пытался поднять белорусских крестьян на выступление в поддержку Наполеона, но на этом не успокоился и продолжал действовать в том же духе и после поражения Великой армии: под псевдонимом Доленга-Ходаковский он проводил полевые исследования, под постоянной угрозой раскрытия перебирался с места на место, повсюду с необычайной энергией изучая язык, обычаи народа, а также исследуя городища и курганы. Итогом этих трудов стала написанная в 1818 г. работа “О славянстве и христианстве”. Автор этого сочинения смело распространил “язык кривичей” на территорию от Подляшья до востока Смоленщины, на Полесье, а на севере – на Вильно, Псков и Великий Новгород²⁰.

Эта оценка требует серьезного к себе внимания: не только потому, что превращение Чарноцкого в Доленгу-Ходаковского после этих подробностей его биографии представляется еще более оправданным. “Родоначальный славяноведения” обычно описывается чудаковатым энтузиастом, бескорыстным сторонником славянского единства и увлеченным древностями и этнографией ученым. Но еще в 1905 г. в энциклопедическом тексте Н. Тычино подчеркивалось, что Чарноцкий «первый начал проводить мысль, что надо “идти в народ” не только для того, чтобы собирать этнографический материал, но и для того, “чтобы сжиться с ним, понять дух и природу народа, которые создают народный характер и поэзию”»²¹. Недавний наполеоновский агент не случайно стал одним из первопроходцев поиска этнографических границ в пределах восточного славянства, причем в условиях одобрения Александром I политики князя А. Чарторыского как попечителя Виленского учебного округа по тотальному доминированию в Западных губерниях польского языка и культуры. Доленга-Ходаковский пытался обосновать особенность этнического развития белорусов и украинцев, преследуя не только научные цели: он предвидел неизбежное появление точки зрения, что земли, отошедшие к Российской империи в 1772–1795 гг. и некогда именовавшиеся “исконно польскими”, будут со временем рассматриваться как “исконно русские”.

Собственно, уже своими полевыми исследованиями при всем их несовершенстве Доленга-Ходаковский дезавуировал громкое, но глубоко ошибочное высказывание современного минского политолога В.В. Шимова, отрицающего само понятие восточного славянства: «Говоря о Белоруссии как о части восточнославянского языкового пространства, следует сказать несколько слов о самом понятии “восточные славяне”. Термин “восточные славяне”, употребляемый в одном смысловом ряду с западными славянами, несколько лукав. Этот термин был введен в оборот в XX в. как результат большевистской национальной политики, направленной на формирование трех самостоятельных наций – русской, белорусской и украинской. Именно в этом контексте и появляется термин “восточные славяне” как собирательное наименование. В этом собирательном значении он вытесняет понятие “русские”, использовавшееся до революции»²². Шимов существенно преувеличивает демонические способности

¹⁹ *Латышонек А.* Нацыянальнасьць – Беларус. Вільня, 2009, с. 377.

²⁰ *Латышонек А., Мірановіч Я.* Гісторыя Беларусі ад сярэдзіны XVIII ст. да пачатку XXI ст. Вільня – Беласток, 2010, с. 58–59.

²¹ *Тычино Н.* Чарноцкий Адам. – Русский биографический словарь, т. 22. СПб., 1905, с. 32.

²² *Шимов В.* Истоки языкового сепаратизма в Белоруссии. – *zapadrus.su*. 5.XI.2013.

большевиков – разграничением восточных славян Доленга-Ходаковский предметно занялся как минимум за 100 лет до оформления советской национальной политики. Более того, Доленга-Ходаковский в своем творчестве predetermined основные тезисы большевистских теоретиков национального вопроса А.А. Жданова и И.В. Сталина.

Примечательно, что в 1936 г. секретарь ЦК ВКП(б) Жданов, занимаясь реформированием школьных учебников истории, заменил фразу “славяне – предки русского народа” на характерный тезис: “Впоследствии славяне, жившие в Восточной Европе, образовали три больших народа – русских, украинцев и белорусов”²³. Политическая логика повествования о “трех больших народах” стала непоколебимой догмой и была претворена в жизнь в сентябре 1939 г. с присоединением к СССР западноукраинских и западнобелорусских земель. Родоначальником тезиса “о трех братских восточнославянских народах” был Доленга-Ходаковский с его пионерской идеей распространить “язык кривичей” на Псков и Великий Новгород. С этнологической точки зрения вроде бы налицо явное искажение действительности, но для концепции “трех больших народов” все к месту: шляхтич из-под Минска давал понять, что политические традиции Пскова и Новгорода отличаются от устоев присоединившего их к своим владениям Московского государства. При этом этнограф начала XIX в. произвольно изменял этнические границы. К этому же спустя 100 лет призывал нарком по делам национальностей РСФСР Сталин на X съезде РКП(б) в марте 1921 г.: “Нельзя идти против истории. Ясно, что если в городах Украины до сих пор еще преобладают русские элементы, то с течением времени эти города будут неизбежно украинизированы. Лет сорок назад Рига представляла собой немецкий город, но так как города растут за счет деревень, то теперь Рига – чисто латышский город. Лет пятьдесят тому назад все города Венгрии имели немецкий характер, теперь они мадьяризированы. То же самое будет с Белоруссией, в городах которой все еще преобладают небелорусы”²⁴.

Сталин призывал к активному изменению существующей этнополитической картины – к этому еще в 1810-е годы стремился и Доленга-Ходаковский. Скончавшись за пять лет до начала польского восстания 1830–1831 гг., Доленга-Ходаковский в 1812 г. и в последующие годы ясно понимал настоятельную необходимость привлечения к делу восстановления Речи Посполитой не только польской и полонизированной шляхты, но и непольского этнически крестьянства, в частности белорусского, с его тогда еще униатской верой. Это понимание так и не передалось его современникам и потомкам, что в итоге предоставило в первой половине XX в. удобный плацдарм для этнонациональных экспериментов в духе Сталина и Жданова.

Отказавшись от традиции Доленги-Ходаковского, польское политико 1920–1940-х годов в итоге проиграло важнейший стратегический спор за рубежи славянства большевикам, воспринявшим идеи “родоначальника славяноведения”.

Российская интегральная традиция не порывала с регионализмом. Причиной тому стало успешное политическое наступление империи на землях бывшей Речи Посполитой после 1839 г. В середине XIX в. началось интенсивное этнографическое изучение белорусов, проходившее под вполне благонамеренным предлогом и в духе ортодоксального с виду “западноруссизма” – требовалось подчеркнуть отличие крестьянской массы “большого пограничья” от поляков. М.О. Коялович, отстаивая свою версию “западноруссизма”, отрицал “политическую самостоятельность Западной России”, но в 1863 г. признавал существование местного “наречия”, являвшегося, по его мнению, чем-то средним между русским и польским языками²⁵. И.С. Аксаков в 1881 г., на склоне своей политической карьеры, отмечал, что из белорусского крестьянина “вылепить... великорусского мужика невозможно, да и нет необходимости. Мы предпола-

²³ Дубровский А.М. А.А. Жданов в работе над школьным учебником истории. – Отечественная культура и историческая наука XVIII–XX веков. Брянск, 1996, с. 139; *Вольнец А.Н.* Жданов. М., 2013, с. 189.

²⁴ *Сталин И.В.* Марксизм и национально-колониальный вопрос. М. 1937, с. 81.

²⁵ *Коялович М.О.* О расселении племен Западного края России. СПб., 1863, с. 25.

гаем в будущем... преподавать начальные знания и смысл правительственных постановлений белорусскому крестьянству на белорусском же наречии, учить его читать и писать сначала по-белорусски, а потом и по-русски”²⁶.

От этих рассуждений уже совсем недалеко до советской белорусизации, которая через 40–45 лет после пророчеств Аксакова проходила именно по этой схеме. Впрочем, как логично отмечает белорусский исследователь С.В. Менченя, “рассуждения о белорусском языке так и остались только в теории, ни один из проектов так и не был осуществлен”²⁷. Практическим же итогом деятельности сторонников “западноруссизма” стали объективные и весьма информативные исследования традиционной народной культуры, ставшие основой для создания не связанных с политической этнографических карт. Этот региональный уклон, призванный вслед за Кояловичем уважать местные традиции, стал впоследствии благодатной почвой и для развития в начале XX в. белорусского национального движения, и для практического осуществления большевиками своей с виду модернизаторской, но, по сути, консервативной белорусской политики.

Традиция “западноруссизма” с конца XVIII в. до начала Первой мировой войны претерпела существенную эволюцию. Пониманию ее сущности может способствовать применение введенного в 2007 г. в научный оборот белорусским специалистом Л.В. Колединским понятия “виталитивная культура” (от лат. *vita* – жизнь). По его определению, это часть материальной культуры, связанная с жизнеобеспечением человека (жилище, одежда, пища, предметы повседневного обихода)²⁸. На наш взгляд, в понятие виталитивной культуры логично добавить и культуру духовную. В таком аспекте новый термин получит более широкую трактовку: в нашем понимании виталитивная культура – это часть материальной и духовной культуры, связанная с жизнеобеспечением, повседневным бытовым укладом людей, менталитетом и традициями. Реконструкция образа жизни в данном ключе оправдана не только при обращении к реалиям средневековья, но и к процессам XIX – начала XX вв.²⁹

Стереотипный образ белоруса, отраженный прежде всего в стихотворении Н.А. Некрасова “Железная дорога” (1864 г.), имел немного общего с традиционным крестьянским обществом белорусов, которое в условиях динамичной социальной модернизации развивало свою виталитивную культуру несколько по-иному. Более того, именно с 1860-х годов в рамках этой культуры наблюдаются решительные инновационные перемены; качество жизни заметно повышается по сравнению с первой половиной XIX в. и проявляется в чувствительных для крестьянского социума чертах: в домах сельских жителей в массовом порядке появляются печь, которая топится “по-белому”, и кровать; повсеместно внедряются возделывание и потребление картофеля, пробуждается интерес к садоводству³⁰.

Внедрить эти очевидно полезные новации раньше мешала сила общинной традиции. Горожанину же было проще: в 1848 г. в военно-статистическом обозрении Могилевской губернии было отмечено, что мещанин лучше сложен телесно, нежели крепостной крестьянин, живет в доме с трубой, деревянным полом и вазонами на окнах, наконец, учит своих детей грамоте³¹. У городского жителя было важное преимущество: не будучи вынужденным жить “наедине со всеми”, он имел свободу выбора

²⁶ Аксаков И.С. Польский вопрос и западно-русское дело. – Аксаков И.С. Сочинения, т. 3. М., 1886, с. 114.

²⁷ Гісторыя беларускай дзяржаўнасці..., кн. 1, с. 231.

²⁸ Колединский Л.В. Виталитивная культура Витебска в конце XIII – середине XV в. (по материалам раскопок Верхнего замка). – Полацк у гісторыі і культуры Еўропы: матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі (Полацк, 22–23 мая 2012 г.). Мінск, 2012, с. 437–455.

²⁹ Борисёнок Ю.А. Белорусский крестьянин в вихре модернизации. Виталитивная культура первых десятилетий XX века на фоне социальных перемен. – Родина, 2014, № 6, с. 120–122.

³⁰ Беларусы. Т. 5. Сям’я. Мінск. 2001, с. 55, 65, 68, 97; Этналогія Беларусі. Традыцыйная культура насельніцтва ў гістарычнай перспектыве. Мінск, 2009, с. 63.

³¹ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. VIII, ч. 3. Могилёвская губерния. СПб., 1848, с. 60.

хотя бы в плане домашней архитектуры и интерьера. Крестьянин же в условиях, когда единоличное хозяйство не получило распространения в большинстве белорусских регионов, вынужден был и после реформы 1861 г. подчиняться прежним традициям: коллективная ответственность общины была отменена только в 1903 г., а вплоть до 1906 г. в Могилевской, Витебской и Минской губерниях общины контролировали от 45 до 85% наделных земель и угодий³².

По оценке современных белорусских исследователей, в границах одной деревенской общины “не только материальная культура крестьян, но и весь образ жизни и бытовые отношения определяли унифицированность в постройках дворов, типах домов и хозяйственных строений, сельскохозяйственном инвентаре, способах обработки и использования земли, одежде, еде, обрядах и обычаях”³³. Развивая эту мысль, этнолог В.Н. Белявина и И.В. Чаквин пришли к выводу о сходстве белорусской общины позднейимперского периода с колхозами и совхозами советского времени³⁴.

Однако резко ускорившийся с 1860-х годов темп изменений к лучшему в образе жизни сокращал “срок службы” уходивших в глубь веков общинных порядков. Восприимчивость белорусского крестьянина к существенным новациям виталитивной культуры тесно связана с его линией поведения в вихре стремительных перемен, наступивших с началом Первой мировой войны. За один только 1915 г. 58% крестьян-хозяев Могилевской губернии и 28% Витебской губернии при известиях о приближении линии фронта вышли из общины³⁵.

Не ощутив преимуществ единоличного хозяйства и земства в мирное время, житель белорусской деревни оказался толерантен ко всем экспериментам над ним, учиненным новой советской властью. Они включали в себя и избавление от “неисторического” статуса путем оформления государственности в большевистском формате с политической белорусизации; и, в конце 1920-х годов, – определенный возврат к общинным порядкам с началом сталинской коллективизации; и последующие процессы раскрестьянивания в тесной увязке с урбанизацией.

Появление идеи белорусской государственности в 1880-е годы в форме “областной самостоятельности”, которая должна была занять место “современного абсолютизма”, опиралось, как верно отметил белорусский историк Н.С. Сташкевич, на традицию, “отраженную в повседневной жизни и быту”³⁶. Датированный 15 ноября 1884 г. второй номер нелегального журнала “Томон”, издававшегося в Санкт-Петербурге на русском языке, открывала статья, допускавшая “практическую возможность федеративной самостоятельности Белоруссии в будущем и необходимость подготовки этой самостоятельности в настоящее время”³⁷.

Примечательно, что начиная поиск непосредственных истоков державного начала современной Республики Беларусь с 1795 г., т.е. с третьего раздела Речи Посполитой, авторы предисловия к недавно изданному двухтомнику по истории белорусской государственности подчеркивают, что «огромные усилия Российского государства, направленные на органичное “врастание” белорусских губерний в состав единой России на основе принципа ее “неделимости”, не принесли желаемых итогов. Правительству Российской империи удалось реорганизовать и унифицировать территориально-административное устройство белорусско-литовских губерний, но только по форме. А по содержанию и сущности это устройство в итоге привело к развитию идеи территориальной автономии губерний белорусского края»³⁸.

³² Беларусь. Т. 6. Грамадскія традыцыі. Мінск, 2002, с. 25, 27.

³³ Там же, с. 21–22.

³⁴ Там же, с. 161.

³⁵ Там же, с. 32.

³⁶ Гісторыя беларускай дзяржаўнасці..., кн. 1, с. 241.

³⁷ Публицистика белорусских народников. Нелегальные издания белорусских народников (1881–1884). Минск, 1983, с. 85–86.

³⁸ Гісторыя беларускай дзяржаўнасці..., кн. 1, с. 9.

Получается, что арестованные властями за издание и распространение “Гомона” молодые приверженцы “созидательного народничества” позаимствовали сформулированную ими концепцию у имперских властей. На самом деле, усилия имперской государственности здесь явно преувеличены – они были направлены прежде всего на подавление польского начала в триедином формате, обозначавшем союз Белого Орла (символа Польской Короны), Погони (символа ВКЛ) и Михаила Архангела (обозначавшего украинские земли, после унии 1569 г. вошедшие в состав Польской Короны).

Ответом Российской империи на “претензии поляков” стало оформление на “большом пограничье” триединства иного свойства – формата триединой русской нации, объединяющей, но одновременно и отличающей между собой великороссов, малороссов и белорусов. Польский социолог Р. Радзик, сторонник идеи о “слабости (запоздании) белорусского национал-творческого процесса”³⁹, отмечает, что “содержание, которое вкладывали народники в понятие белорусской национальной идеи, совершенно отличалось от того, что присутствовало у шляхетских основоположников белорусской литературы XIX века, и было близко тому ее видению, которое [...] стало доминирующим в советской Белоруссии. Оно характеризуется стремлением к союзу с Россией, писанием о белорусских делах по-русски, тесной связью национальной идеи с идеей социальной свободы, дистанцированием от католицизма и всего польского”⁴⁰. Отметим, что выразителями этой национальной идеи выступали петербургские студенты различного этнического и конфессионального происхождения: помимо считавшихся издателями “Гомона” двух студентов Санкт-Петербургского университета – уроженца Шклова Х. Ратнера и родившегося в Мстиславском уезде сына бывших крепостных А. Марченко, по этому делу были арестованы студенты из католических семей – учившийся в Витебске С. Нестюшко-Буйницкий, М. Стацевич из-под Вильно и У. Крупский из слущой шляхты⁴¹.

Объединение в рамках “Гомона” молодых радикалов всех основных вероисповеданий, распространенных на белорусских землях, было не менее примечательно, чем их политическая программа. А.Ф. Смоленчук полагает, что характерной чертой белорусской культурной традиции, к которой он справедливо относит и “Гомон”, “можно считать своеобразный религиозный индифферентизм ее представителей: они обходили проблему конфессионального раскола белорусского этноса и обращались ко всем белорусам, независимо от вероисповедания. Представители белорусской традиции принадлежали как к католической шляхетско-крестьянской среде, так и к православной интеллигентско-крестьянской. Тексты писались преимущественно на белорусском языке как кириллицей (гражданкой), так и латиницей”⁴².

Эту надконфессиональную особенность подхватила не только советская власть в 1920-е годы, но и официальная наука Российской империи в 1880-е годы. Дело в том, что именно тогда в белорусской традиции наметилось очевидное преобладание кириллического начертания над латинским. Ранее традиция “латиницы”, ведущая начало от известного в Санкт-Петербурге католического иерарха С. Богуша-Сестренцевича (1731–1826) и продолженная его племянником, одним из первых литераторов, творивших по-белорусски, В. Дуниным-Марцинкевичем (1808–1884), казалась устойчивой, но после смерти последнего, а затем и известного своими этнографическими публикациями А. Киркора (1818–1886), утратила былое значение. Теперь некому было

³⁹ Радзик Р. Вытокі сучаснай беларускасці. Беларусы на фоне нацыятворчых працэсаў у Цэнтральна-Усходняй Еўропе XIX ст. Мінск, 2012, с. 307–326; Radzik R. Między zbiorowością etniczną a wspólnotą narodową. Białorusini na tle przemian narodowych w Europie Środkowo-Wschodniej XIX stulecia. Lublin, 2000.

⁴⁰ Радзик Р. Петербургские народники – творцы современной белорусской национальной идеи. – Белорусский сборник, вып. 3. СПб., 2005.

⁴¹ Ляхоўскі У. Ад гомануцаў да гайсакоў. Чыннасць беларускіх маладзёвых арганізацый у 2-й палове XIX ст. – 1-й палове XX ст. (да 1939 г.). Беласток – Вільня, 2012, с. 21.

⁴² Смалянчук А. Указ. соч., с. 41.

доказывать то, что пытался втолковать Киркор министру народного просвещения А.В. Головнину, якобы «население Виленской, Гродненской и Минской губерний говорит по-польски, т.н. “белорусским наречием”»⁴³.

Наметившаяся победа кириллицы над латиницей позволила во времена Александра III со своими книгами кириллической печати органично интегрировать в надконфессиональную белорусскую традицию первопечатника XVI в. Ф. Скорину. В 1888 г. П.В. Владимиров (1854 – 1902) издал первую в русской науке обстоятельную монографию о Скорине⁴⁴. Владимиров в энциклопедической статье подчеркнул, что “форма языка Скорины смешанная, невыработанная, но в нем отражаются элементы белорусского наречия”⁴⁵. Отсюда уже было совсем недалеко до признания прав этого самого наречия большевиками.

В последние десятилетия существования Российской империи триединство большой русской нации часто ощущалось как соединение трех больших составных частей, противостоявших уже побежденной “польской интриге”. Именно на этой консервативной основе (и помимо представлений о “запаздывании”, “слабости” или “неразвитости” белорусского национального движения) замышлялся до конца 1930-х годов проект БССР, однозначно нацеленный на преодоление последствий Рижского мира 1921 г. путем объединения всех белорусских земель в рамках советской государственности. При этом советская национальная политика в БССР негласно, но последовательно осуществляла антипольскую компоненту. Политика государственной ассимиляции, о которой по ту сторону границы с Польшей говорили Ю. Пилсудский и Л. Василевский, в БССР стала реальностью уже к середине 1920-х годов, когда говорившие в быту на польском языке сельские жители сделались белорусами на бумаге; впоследствии многие из них, главным образом через школу, стали объектом процесса национальной ассимиляции.

Избранный большевиками вариант структурирования “большого белорусского пограничья” и решения векового спора с амбициозным и глубоко эшелонированным польским началом был, как представляется, оптимален. Белорусизация (как и коренизация вообще) была наименее затратным вариантом реализации национальной политики советской власти, опора на консервативную по своей сути крестьянскую традицию не требовала в 1923–1928 гг. коренной ломки существующего уклада, неизбежной при прочих сценариях событий⁴⁶.

Другое дело, что темпы этого структурирования в XX в. были отнюдь не ударными. Решив в межвоенный период свои тактические задачи и разделавшись в итоге в 1939 г. со II Речью Посполитой, большевики не спешили реализовывать сформулированный Ждановым тезис о “трех больших народах” на пространстве восточных славян. Разнонаправленные решения по укрупнению и урезанию границ БССР завершились в основных чертах только с подписанием в Москве 16 августа 1945 г. советско-польского договора о границе⁴⁷. Сталинские тактические уловки в сочетании с метаморфозами “польской интриги” обеспечили белорусской государственности больше четверти века безграничного, по сути, существования – с неопределенными рубежами и такой возможностью их волонтаристской корректировки, за которой недалеко было и до ситуации 1919–1920 гг., когда БССР как государство была плохо прикрытой фикцией.

⁴³ Цит. по: *Цьвікевіч А.* “Западно-руссизм”. Нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX ст. Мінск, 1993, с. 45.

⁴⁴ *Владимиров П.В.* Доктор Франциск Скорина, его переводы, печатные издания и язык. СПб., 1888.

⁴⁵ Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь, т. XXX. СПб., 1900, с. 228.

⁴⁶ *Борисёнок Ю.А.* На крутых поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века. М., 2013, с. 91–154.

⁴⁷ *Хомич С.Н.* Территория и государственные границы Беларуси в XX веке: от незавершенной этнической самоидентификации и внешнеполитического произвола к современному status quo. Минск, 2011, с. 334–338.

При обращении к истории межвоенной Польши обычно подчеркивается факт, что с ноября 1918 по март 1923 г., т.е. более четырех лет, II Речь Посполитая существовала без международно признанных границ. В случае с государственностью белорусской этот процесс занял более 26,5 лет – с 1 января 1919 г. по август 1945 г.

Таким образом, структурирование “большого пограничья” на белорусском участке растянулось более чем на полтора столетия (1772–1945 гг.), причем этот процесс сочетал в различных комбинациях дипломатические, этнополитические и на завершающем этапе государствообразующие факторы. Значительный вклад в разрешение извечного спора о порубежном пространстве между Польшей и Россией внесло пересечение сразу нескольких реформаторских тенденций (преобразования властей императорской России, существенные перемены на уровне народного быта, коренизация и другие нововведения большевиков), которые могут быть объединены в единый период существенной модернизации на белорусских землях (1860-е – 1920-е годы).